

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**«БЕСОВА ДЕРЕВНЯ ОПОЧКА»:
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД
СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1512–1522 ГОДОВ**

Б ОЕВЫЕ действия 1517 г. на русско-литовском фронте по своим масштабам значительно уступают военной кампании 1514 г., в которую произошли наиболее важные события – взятие Смоленска и битва под Оршей. Тем не менее они занимают важное место в Смоленской войне 1512–1522 гг. Именно под Опочкой в 1517 г. единственное мощное наступление войск Великого княжества Литовского (ВКЛ) потерпело серьезную неудачу, после чего попытки реванша со стороны Вильно свелись на нет.

Бои во псковской земле осенью 1517 г. еще не были объектом специального изучения – об осаде Опочки гетманом К.И. Острожским историки упоминали попутно, в связи с рассмотрением общего хода войны¹. Некоторое место указанным событиям уделил и я в своей монографии². В настоящее время обнаруженные новые сведения позволяют значительно дополнить и описать более подробно боевые действия 1517 г.

Анализ большого комплекса источников – Томицианских актов (Acta Tomisiana), документов исторического Кёнигсбергского тайного архива (Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz – GStAPK), Литовской метрики (РГАДА), венецианских бумаг (I diarii di Marino Sanuto) – позволяет по-новому взглянуть на события пятисотлетней давности.

После взятия Смоленска и битвы под Оршей боевые действия 1515–1516 гг. не принесли ни одной из воюющих сторон сколь-нибудь большого успеха. Россия и Литва обменивались колкими ударами, которые, однако, не могли оказать существенное влияние на изменение оперативной обстановки на русско-литовском фрон-

те. К 1517 г. ВКЛ планировало начать наступательные операции на северо-западные земли Псковщины.

В собрании Кёнигсбергского тайного архива сохранилось письмо ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга великому магистру Тевтонского ордена Девы Марии Альбрехту Бранденбургскому от 23 января (Freitag nach Vincentii). Плеттенберг, благодаря созданной им сети информаторов, получил сведения о положении на русско-литовском фронте, «...что татары нанесли русским значительный ущерб, как нам сообщают, в то же время между польским королем и русскими не ведутся никакие [боевые] действия...»³.

Практически в то же время, как отмечено в бумагах сенатора Марино Сануто-Младшего, в Венецию прибыл польский посол, «который представился нашей Синьории, говоря, что его король готовил большое войско против московитов и даже в соглашении с татарами»⁴.

Согласно данным Литовской Метрики, действительно, с крымским ханом были достигнуты договоренности относительно совместных военных действий против «великого князя Московского»: Литва должна была ежегодно выплачивать сумму в 15000 золотых, а хан обязывался не разорять южные окраины и, в свою очередь, вести войну с Василием III Ивановичем. Как писал сам Сигизмунд, «до начала лета мы отправили с казной в Черкассию (Крым. – А.Л.) господина Гаштольда воеводу полоцкого, и хан обещал быть с нами в надежном союзе против нашего врага»⁵.

10 февраля 1517 г. на Петроковском сейме были обговорены решения о продолжении боевых действий. Кампания 1516 г. показала, что с собственными силами рассчитывать на какой бы то ни было серьезный успех не стоит. Чтобы сэкономить финансовые средства, в Польскую Корону была отправлена делегация с просьбой взять на себя половину расходов на крымских татар. Послам ответили категорично – поминки татарам платит также и Корона, поэтому поляки не обязаны брать на себя траты на подкупы крымчаков⁶.

Текста королевской окружной грамоты о сборе войска в актах Литовской Метрики не обнаружено, но в «Acta Tomisiana» имеются неоднократные ссылки на нее⁷. К сожалению, по сохранившимся материалам невозможно подсчитать размер собранного ополчения (посполитого рушенья). Уже с 1515 г. великий князь Литовский столкнулся с многочисленными жалобами населения,

«истощенных войною и налогами на военные нужды»⁸. За период 1512–1516 гг. шляхта постоянно игнорировала окружные королевские грамоты, призывавшие на военный сбор. На сеймах со стороны радных панов неоднократно звучали призывы искоренить «непослушество». «Мешкание» с выступлением в поход и медлительность шляхты выявили серьезные проблемы в военной организации ВКЛ. Если мобилизационные возможности Литвы в первой половине XVI в. доходили до 24–25 тыс. чел., то в реальности, из-за неявки шляхты, ВКЛ в поле могло выставить в разные периоды всего от четверти до трети указанного количества⁹. Предыдущие кампании 1512–1516 гг. показали, что с одним немногочисленным ополчением нечего было и думать о наступательных действиях.

Литовскому войску был придан наемный контингент под командованием ветерана войны «с московитами» Януша Сверчовского. Наемники были самой боеспособной частью войск ВКЛ, однако их содержание обходилось казне не дешево. По стране был послан королевский указ собирать «серебщину» – средства на наем солдат: «положили серебщизну на все паньство Отчизну нашу Великое князьство Литовское для великойе потребы»¹⁰. Был оглашен специальный указ, согласно которому «служебные» могли приобретать у населения продукты по фиксированным ценам¹¹.

По словам польского историка Марека Плевчинского, в поход пошли литовская служба земская под командованием К.И.Острожского «и несколько польских наемников (по крайней мере около 400 конницы и 200 пехоты)»¹². Но вывод историка основан на ограниченном количестве материалов – он обнаружил лишь часть документов о найме «служебных». Между тем данные королевской корреспонденции заставляют предположить, что за несколько месяцев были собраны немалые средства – правительству удалось устранить затруднения с приемом монеты и дать обязательства на сбор более чем 10 тысяч злотых (*super summa X milium flor.*)¹³, из которых первый транш в 3200 зл. (*tria milia ducentos flor.*) был выдан предводителю наемников Я. Сверчовскому. Исходя из расценок 1514 г. (кавалерист 4 зл., драб 2 зл. в квартал, цены за 1514–1517 гг. практически не менялись¹⁴), этой суммы должно было хватить на наем либо 2500 кавалеристов, либо 5000 драбов, либо 1250 кавалеристов и 2500 драбов. Так как войска собирались осаждать русские крепости, то, скорее всего, количество наемной пехоты должно было превышать количество кавалерии.

Сборы войск были пристальным объектом внимания Тевтонского ордена. 13 июня хаускомтур крепости Рагнит сообщал великому магистру о значительных военных приготовлениях «поляков против московитов»¹⁵. 4 июля (*Sonnabend nach visitatio Mariae*) посол князя Станислава Мазовецкого А. Закжевский просил у великого магистра помощь «лошадьми и доспехами» в походе против «москвитов»¹⁶. Но польский посол, очевидно, не был информирован о том, что на тот момент между Тевтонским Орденом и Россией устанавливались союзнические отношения, и делегации Кёнигсберга и Москвы разрабатывали совместный наступательный и оборонительный *Kriegsoperationsplan* против Польши и Литвы¹⁷.

Сборным пунктом был назначен Полоцк, куда в начале августа прибыл сам король. Общая численность войск вместе с ополчением не превышала 10 тыс. чел. Лазутчики доносили великому князю Литовскому и королю Польскому Сигизмунду, что в связи с продолжающейся войной московский князь собрал с периферии все возможные силы для борьбы с крымским ханом – и теперь северо-восточные окраины «Московии» фактически оголены. Военный совет, собранный в Полоцке, принял решение развивать наступление на Псков, а затем и на весь северо-запад. Таким образом, план совместного наступления Крыма и ВКЛ на Россию стал реализовываться.

В августе с нескольких направлений в южные окраины вторглись крымские отряды: «...приходиша крымские татарове, Токузан мурза Агышов сын княжой, да Кудаш мурза Бектерев сын Ширинов, да Уидем мурза Маигит, да Алпов царевич шурин, а с ними 20 тысячь рати». Но кочевников ждал пренеприятный сюрприз – русские воеводы В.С. Одоевский и И.М. Воротынский успели развернуть войска, а для сдерживания крымских отрядов «послаша наперед себя противу татар детей боярских не со многими людми, Ивашку Тутыхин да Волконьских князей, и велели им со всех сторон татаром мешати, да быша не воевали, а сами воеводы поидоша за ними на татар». Услышав о приближении государевых воевод, мурзы начали отводить свои отряды и нарвались на тщательно организованные засады. «Пешие люди украинные многие» создали в лесных проходах завалы («дороги засекоша»), а «передние люди от воевод приспевшее конные, начаша татар топтати и по дорогам их и по бродом бити». Как позже показали пленные татары, «от 20 тысяць мало их в Крым приидоша, и те пеши и боси и наги»¹⁸.

Итак, основные силы Василий III бросил на отражение крымского нашествия, а на случай возможного нападения литвинов с северо-запада было принято решение опереться на гарнизоны крепостей и острожков. На восстановление 40-саженной стены Крома Василий III прислал в Псков 700 рублей. Силами псковичан были сооружены стены в Запсковье у Гремячей горы¹⁹.

В сентябре 1517 г. Сигизмунд отправил в Москву своих послов маршалка Могилевского Яна Щита и писаря Богуша Богутиновича, и одновременно с этим выдвинул из Полоцка свои войска на псковский пригород Опочку, расположенный в верхнем течении р. Великой. Главная цель похода, озвученная в грамоте Сигизмунда, – «силой склонить к миру на почетных и выгодных для нас условиях», т.е. акция преследовала цель – заставить великого князя быть стоворчивее в переговорах о мире²⁰. Но долгие сборы войск привели к тому, что, как позже писал епископ П. Томицкий, «лучшие времена для активного введения войны прошли, и настало время холодов и непрерывных дождей»²¹. 18 сентября Сигизмунд объявил в своей грамоте: «И хотя у нас были трудности со сбором денег, занявшим много времени, мы собрали солдат, а вместе с ними и тех, кто находится под нашей властью, устроили им смотр и привели в порядок, и в субботу восьмого числа в день Св.Марии (8 сентября. – *А.Л.*) направили их во вражескую землю к Опочке, а некоторых наших иноземных советников в парадных тяжелых доспехах оставили здесь [с нами]»²². Сам король в экспедиции не участвовал – 24 сентября король отбыл из Полоцка, а 29-го прибыл в Браславль. В бумагах перемышльского епископа Томицкого, который был хорошо информирован о движении армии, отмечена причина остановки. По его словам, замок Опочка («Arcem Opoczka»), хоть и не являлся целью похода, но тем не менее будет захвачен, так как в нем укрылись «многие вражеские дворяне» («multi nobiles ex hostibus»). Однако размеры крепости (примерно 50–40 саженей), расположенной на небольшом островке р. Великой, не позволял разместить сколь-нибудь крупный гарнизон. В Опочке действительно было мало сил – не более полутора сотен воинов. Воевода Василий Салтыков уведомил об этом великого князя. С учетом того, что основные силы русской армии М. Щени и А. Бутурлина стояли «для крымского царя приходу» на южном направлении, оказать существенную помощь Опочке русское командование не могло. К псковскому пригороду был послан лишь небольшой отряд

из нескольких сотен дворян: «да к Василью же в ту пору прислан был от великого князя Иван Васильевич Ляцкой, был тут с Васильем в меньших»²³.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. начало военной кампании изложено следующим образом: «Лета 7026-го году в сентебре преступил король литовской кресное целованья, и помыслом злым по опасным грамотам умысля, и пришил в Полотеск со всеми своими людьми и, умысля с воеводы со князь Костентином Острожским и з желныри, пришли ко псковскому пригородку к Опочке с нрядом и к городу к Опочке приступали»²⁴.

Польские хронисты писали, что крепость, повстречавшаяся на пути литовских войск, была «укреплена как водою, так и неприятелем, готовым с решимостью сражаться». Опочка стояла на высоком острове, окруженном водой. Высокие кручи, поднимающиеся из воды (валы сохранились до сих пор), значительно усложняли штурм. «Кроме того, – писал Бернад Ваповский, – хотя стены ее сделаны из дерева, но они непроницаемы пушечными ядрами, так как наполнены землей»²⁵.

20 сентября к стенам маленького городка подошла армия, которой руководили победители битвы под Оршей 1514 г. – К. Острожский, Я. Сверчовский, Ю. Радзивилл. Псковская I летопись перечисляет силы осаждавших, и сведения эти находят подтверждения в других источниках. Согласно летописцу, в войске противника были «многих земель люди, Чахи, Ляхи, Угрове Литва и Немцы», а также «Мураве, Мозовшане, Волохи и Сербове и Татарове», и «от цысаря Максимьяна короля Римского были люди мудрые, ротмистры, арахтыктаны, аристотели»²⁶. Под руководством иностранных инженеров начались осадные работы.

Крепость, презрительно названная «свиным корытом»²⁷, была подвергнута обстрелу и штурму. События под Опочкой наиболее подробно описаны в письмах П. Томицкого, а также в хрониках Б. Ваповского, М. Бельского и М. Стрыйковского.

На рассвете²⁸ 6 октября начался штурм Опочки, который продолжался с утра до вечера. Из-за недостатка артиллерии²⁹ войска ВКЛ не могли подавить батареи на валах, поэтому пехотинцам пришлось под обстрелом на плотах и лодках подступать к острову. На приступ пошли, по словам епископа П. Томицкого, три хоругви (*tria vexilla*)³⁰, но они были отбиты. Сверчовский вновь и вновь кидал своих наемников на штурм, и каждый раз солдаты уходили с большими

потерями. Во время одной из атак под стенами Опочки был тяжело ранен предводитель «стипендиариев» Анджей Боратыньский (герба Корчак) – пушенным снарядом ему оторвало руку. Спустя несколько дней он скончался в Вильне³¹.

Данные о потерях войска ВКЛ фигурируют в послании П. Томицкого. По его словам, «были убиты более 60 [человек], в том числе отличный воин Сокол и 1400 ранены»³². О гибели одного из предводителей сообщается также и в русских источниках: «...и побиша многое множество людей королева войска... и воеводу их болшого Лядской рати Сокола убиша и знамя его взяша»³³. Версию о том, что «Sokol» у Томицкого, «воевода Сокол лядской рати» псковской летописи и Анджей Боратыньский хроники М. Бельского – одно и то же лицо, можно признать маловероятной. В «Истории Польши» Я. Длугоша под 1410 г. упоминается королевский рыцарь чех Яшка (Яська, Ян) Сокол из Лемберга³⁴, потомки которого продолжали служить у польского короля. Согласно «Хронике» М. Стрыйковского, первыми на штурм Опочки пошли чехи. Таким образом, версия о чешском происхождении командира наемников Сокола кажется более правдоподобной. Боратыньский, судя по всему, командовал другим отрядом.

Большое количество раненных (1:23) может объясняться использованием осажденными каменье, неких «катков больших» и «слонов», которые наносили увечья (ушибы, контузии, переломы) штурмующим. М. Стрыйковский сообщает, что опочанам удалось сбить с валов чешских наемников с помощью больших подвесных колод. Колоды подрезали, и они обрушивались на головы нападавших. Помимо этих приспособлений защитники использовали также артиллерию и большое количество камней³⁵. Кстати говоря, в одной из редакций Степенных книг помещен сюжет о чудесном обнаружении залежей камней за алтарем, с помощью которых удалось отбиться от противника³⁶.

Необходимо отметить еще один момент. По свидетельству С. Герберштейна Опочку с берегом соединял «плавающий мост, по которому лошади переправляются по большей части по колено в воде»³⁷. По описаниям XVII в. длина его была ок. 57 сажений. В 1426 г. под Опочку также подошли литовские войска Витовта (рать «Литовскаа и Летцкаа, и Чезскаа, и Володскаа, и татарове его»). И во время штурма осаждающие понесли также существенные потери из-за хитрости опочан, приготовивших на мосту ловушку: «...и тако начаша

татарове скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужищах, а под ним колиа, изострив, побиша; и якоже бысть полон мост противных, и гражане порезаша ужища, и мост падеся с ними на колие оно, и тако изомроша вси, а иных многих татар и ляхов и литвы живых поимаша, в град мчаша»³⁸. Вполне вероятно, что подобная ловушка могла быть использована и в октябре 1517 г.³⁹

Виновником неудачи под Опочкой хронисты называют Я. Сверчовского, который отдавал приказы в пьяном состоянии⁴⁰.

На Великих Луках «в заставе» стояла приграничная рать, отряд из нескольких сотен детей боярских под командованием А.В. Ростовского. На помощь Опочке были отправлены отряды «легких воевод» Ф.В. Оболенского Лопату и И.В. Ляцкого. Но эти отряды действовали с внешней стороны, совершая стремительные удары по силам осаждающих: «от всех сторон войску Литовскому мешати начаша»⁴¹.

Со стороны Вязьмы в сторону Литвы выдвинулась рать В.В. Шуйского, отвлекая на себя часть сил противника. Летописные рассказы повествуют о сражениях вне осажденного города. Во время одной вылазки гарнизона «передние воеводы» Ф.В. Оболенский и И.В. Ляцкий «удариша с трех сторон» на осаждающих, «литовского войска многих людей побиша, а иных живых поимаша и к большим воеводам послаша».

Весьма информативными о боях в окрестностях представляются известия псковской летописи: «И Литва поганая от большие силы ходиша под Вороначь и под Велье и под Красной, даже доумаше и до Пскова, только те городки поймав...». Наступление на этом направлении было остановлено ратью И.В. Ляцкого, который контратаковал под Ключищами литовский отряд, засевший в остроге («воевода оу них пан Черкас»). Русские пленные, содержащиеся в церкви, заперлись изнутри, в то время как Ляцкий атаковал Черкаса, и «много бишася с ним, а полоненных своих из церкви выпустиша, а Черкас воевода нача ис попова двора битися, и пересякоша их всех, а Черкаса их воеводу и с ним боевых людей оудалых изымаша и послаша их к Москве...»⁴². Василий III в благодарность прислал псковичанам большой колокол, который был повешен на месте прежнего вечевого.

Софийская 2-я летопись говорит, что все шедшие к К.И. Острожскому подкрепления были удачно перехвачены и разбиты: «воевод лядских 4000 войска побиша, а иных живых поимаша, Черкаса

Хрептова, и брата его Мисюра, да Ивана Зелепугина и многих людей живых поимаша, и пушки и пищали поотняша»⁴³.

Важные детали сражений под Опочкой содержат официальные речи московских послов. При этом надо отдавать себе отчет в том, что русские значительно преувеличивали потери так же, как и преуменьшали их поляки и литовцы. В изложении посла дьяка В. Племянникова, в ходе рейда воеводы Оболенского русские сбили первую заставу из 5000 чел., в другом месте сотни детей боярский Ивана Колычева уничтожили вторую заставу (якобы 3000 чел.), а воевода Ляцкий за пять верст до Опочки разгромил третью заставу (якобы 6000 чел.). Пленные сказали, что у Красного городка стоят еще части противника. В ходе скоротечного боя и были захвачены упомянутые «воеводы» Черкас и Мисюра Хрептовы, И. Зелепуга, а при штурме Опочки оборонявшиеся, по словам дипломатов, «шесть тысяч убили»⁴⁴. В то же время посольству в Крым были переданы другие данные: якобы А.В. Ростовский разбил заставу из 5000, И. Колычев – из 2000, И. Ляцкий – из 5000 чел.⁴⁵

Большие потери, понесенные в ходе штурма, указываются в источнике случайного характера – донесении Некраса Харламова, написанном спустя три года после описываемых событий (июнь-июль 1520 г.). В нем упоминается о бежавшем из польского плена Тимохе Рупосове. Рупосов поведал, что в плену «его спрашивал король про Опочку, которой деи город боле, Луки ли или Опочка? И Тимоха ему отвечал: как, господине, у села деревня, так и у Лук Опочки малое городишко; а Луки город великой. И король де молвит: бесова деревна Опочки. И Копоть писарь Тимохе говорил: того деля тебя король о Опочке спрашивал, что болши *пяти тысяч* людей под нею легло (выделено мной. – А.Л.)»⁴⁶. Бывший пленник правильно называет имя писаря («Копоть» – Михайло Коптя), а его информация о том, что королевские «все города заложены в Опочке, да и до сех мест ни один город не выкуплен», находит полное подтверждение в актах Литовской Метрики. Действительно, случаев крупных королевских займов за 1516–1517 гг. отмечено множество, их гораздо больше, чем за предыдущие годы. Поэтому полностью не доверять сведениям Рупосова у нас повода нет. Можно сделать лишь уточнение, что «болши» 5000 чел. – это, по-видимому, общие потери, включая не только убитых, но также раненых, больных, пленных⁴⁷ и сбежавших со службы, ибо войско, частью состоявшее из «посполитого рушенья», частью из наемников,

не могло превышать того количества воинов, которое было выставлено в «Великую битву» 1514 г. Только под Опочкой, по польским сведениям, было выведено из строя до 1500 чел., а с учетом проходивших боев во Псковщине число общих потерь армии вполне могло достичь указанной цифры.

Продолжать войну на территории противника глубокой осенью, с почти половиной оставшихся войск, было бессмысленно. Описанные выше боевые действия проходили с 6 по 18 октября. С наступлением распутицы кн. К.И. Острожский снял осаду городка, который вначале презрительно называли «свиным корытом», и отвел войска в Полоцк.

Большинство польско-литовских источников молчат о боях в окрестностях Опочки. Они пишут, что, несмотря на неудачу под крепостью, войска благополучно «разорили огнем и мечом» («ferro et igne depopulabantur») территорию врага⁴⁸, «великую шкodu в землях московских без ущербa [для себя] учинили»⁴⁹ и т.д., но никто из них не обмолвился о поражении литовских отрядов в окрестностях Опочки, Красного, Ключицы, Велья, о которых так подробно, с указанием знатных пленников, описано в русских источниках.

Ягеллонская пропаганда не признавала поражений, а заявляла о победах, доставшихся королю очень тяжело. Весьма наглядно, что «победные» реляции нашли свое место в бумагах венецианского сенатора Марино Сануто-Младшего, который фиксировал донесения (avvisi) от агентов из окружений венгерского и польского королей. Надо отметить, что итальянские информаторы весьма оперативно доносили сведения о событиях с русско-литовского фронта. В депеше от 13 октября говорится следующее: «...в первом же бою московиты потеряли 20 тысяч, а среди поляков не погибло и 200. В последний [раз?] между сторонами было достаточно много погибших, все же король одержал победу, но *очень кровавую*, потому что погибли многие военачальники и большая часть польской молодежи (выделено мной. – А.Л.). Князь Московии отступил»⁵⁰. 27 октября из Буды доктор Алвиз Бон сообщал в Сеньорию: «Было известие из Польши, что поляки встали на московитов, погибло московитов от 20 тысяч, а поляков 2000, и потом в другой раз была битва, и поляки [снова] стали победителями»⁵¹. Как видим, двор Ягеллонов в очередной раз пытался выдать желаемое за действительное.

О боях осенью 1517 г. что-то слышали и в Турции, правда весьма туманно и неопределенно. Так, турецкий посол в Венеции Али Бей 28 октября заявил, что «была война между поляками и московитами, и что московиты – малые люди на малых и крепких конях, а поляки на больших конях»⁵².

Успех русских войск в Псковской земле был очевиден. Единственный за всю войну 1512–1522 гг. крупный поход войск Сигизмунда на территорию России был остановлен у стен Опочки, поход союзников – крымских татар – также прошел крайне неудачно. Получив данные об успехах своих воевод, Василий III только 29 октября принял литовских послов при посредничестве С. Герберштейна. Имперский посол отметил: «После того как войско польского короля ничего не добилося под Опочкой, – а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, – великий князь сделался высокомерен (*hochmuetig*), не захотел принять мира на равных (условиях) (*gleichmaessiger Frydstand*), так что литовцы вынуждены были уехать ни с чем»⁵³.

Нельзя не признать, что в целом кампания 1517 г. была для России успешной, несмотря на ее оборонительный характер. Противник с большими для него потерями был отброшен на всех направлениях. Оправдала в условиях войны на два фронта и выбранная тактика – основные силы были передислоцированы на отражение крымской угрозы, а защита северо-западных рубежей строилась по принципу «плацдармы повсюду» – система оборонительных острогов и мобильные конные отряды.

Достоверные сведения о неудавшемся походе польско-литовских войск, полученные от хаускомтура крепости Рагнит Мельхиора фон Петчена и посла в Москве Николая фон Шонберга, не оставили сомнений у великого магистра в окончательном выборе союзника. На помощь великого князя Московии в планируемой войне против Польской Короны он мог рассчитывать как в военном, так и в финансовом плане.

К концу 1517 г. обе стороны, ведя непрерывные войны, существенно выдохлись. Но и надежды на перемирие в условиях наступающего 1518 г. не было.

---

¹ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического

общества при институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин, 1899. С. 173–289; Korzop T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 1. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. S. 261; Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1946. S. 61–63; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 183–185; Михайлова И.Б. Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 200–205; Филлошкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 204–205; Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212 и т.д.

² Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 191.

³ «...dann der tather dem reusszenn trefflichenn grossenn schaden, wy wir boricht, gethonn hoth, men hort sunderlichs vonn Ko. Irt zu pollenn vnnd dem reussenn nychts, ist zcu vormercken, vonn bedenn theillenn ghern vridte hetten» (GStAPK OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21217).

⁴ «...qual si oferisse molto a la Signoria nostra, dicendoli il suo Re preparava grande exercito contra moscoviti, et etiam in acordo con il Tartaro». (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital.T. 24. Venezia, 1889. P. 366).

⁵ «... misimusque adhuc ante estate magnicum Gastoldum, palat.polocensem cum stipendio ad Czerkassi; promiserant enim se nobiscum arctam societatem contra hostem nostrum et fedus inituros» (Sigismundus R. P. Consiliariis Regni Polonie // Acta Tomiciana. T. IV. Poznaniae, 1855. CCXLIII. P. 192).

⁶ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 208.

⁷ Sigismundus R. P. Op. cit. // AT. T. IV. CCXLIII. P. 191–192.

⁸ Лобин А.Н. Указ. соч. С. 191.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ 8 июня 1517 г. Грамота короля Сигизмунда I, пожалованная г. Вильны на право взысквания серебщины с мещан // Сб. Муханова. СПб., 1866. С. 451–452. № 231.

¹¹ Sigismundus R.P. Op. cit. // AT. T. IV. CCXLIII. P. 192.

¹² Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212.

¹³ Petrus T. Eps. Vicancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi// AT. T. IV. Nr. CCLXXX. P. 217.

¹⁴ Лобин А.Н. Указ. соч. С. 117–118. Табл. 11.

¹⁵ GStAPK. OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr. 21389.

¹⁶ Ibid. Nr. 21416.

¹⁷ Ibid. Nr. 21269 (проект союза Дитриха фон Шонберга от 3.10.1517). Fol. 1–30; См. также: Сб. Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1886. С. 15–17, 19–21. № 2.

¹⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 259.

¹⁹ Псковские летописи / подг. к печати А. Насонов. М., Л., 1941. Вып 1. С. 98; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 255.

²⁰ Любавский М.К.Указ. соч. С. 208; Лобин А.Н. Указ. соч. С. 193.

²¹ «...tempus melius et ad belligerandum aptius effluxit et supervenerunt frigora et continui imbres» (Petrus Tomiczki, Eps. Vicancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi// AT. T. IV. Nr. CCLXXX. P. 217).

²² «Cum quibus quidem militibus licet hic multum difficultatis habuerimus de valore monete, multumque temporis altercando consumsimus, tatem eos denique ad equas conditions reduximus et huc una cum illis et universis subditis domini hujus nostril venimus, recensitisque et ordinatis omnibus copiis, misimus eas sabbato intra octavam natalis S. Marie in terram hostile versus Opoczka, nobiscum consiliariis aliquibus et au liciс gravioreс armature nonnullisque aliis gentibus nostris relictus». (Sigismundus R.P. Consiliariis Regni Polonie // AT. T. IV. CCXLIII. P. 192).

²³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158.

²⁴ Там же.

²⁵ «Moenia insuper etsi lignea, quia tamen plerumque terra sunt referta, bombardarum globis suunt impervia» (Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. Т. 2. Cracoviae, 1874. P. 152); М. Стрыйковский говорит об Опочке – замок деревянный, но пригодный к обороне (Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Т. 2. Warszawa, 1846. S. 391).

²⁶ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 4. С. 291.

²⁷ Strykowski M. Op. cit. S. 391.

²⁸ Время начала штурма подтверждает также и Степенная книга: «Ноцию же и лествицы ко граду поставиша. На утрия же бесудно приступи ко граду бесчисленное множество...» (Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 // ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 593).

²⁹ Petrus Tomiczki – Nicolao Firley // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205.

³⁰ Ibid.

³¹ «Tamże u tego szturmu Andrzejowi Boratyńskiemu herbu Korczak kamieniem z zamku ramie i z ręką utracono, którego drabi porwawszy do obozu odnieśli» Kronika Marcina Bielskiego / wyd. K.J. Turowski. Т. 2. Ks. IV, V. Sanok, 1856. S. 998–999.

³² «Occisi enim sunt supra LX, inter quos optimus miles Sokol et MCD vulnerati» (Petrus Tomiczki – Nicolao Firley) // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205).

³³ Софийская вторая летопись. С. 260.

³⁴ Длугош Я. Грюнвальдская битва / пер. Г.А. Стратановского. М., 1962. С. 130.

³⁵ «...obcinając kłodziny zawieszone, także kamieñmi I rozmaitą strzelbą» (Strykowski M. Op. cit. S. 391).

³⁶ Книга Степенная царского родословия. С. 593.

³⁷ Герберштейн С. Записки о Московии / пер. А.В. Назаренко. М., 1988. С. 236.

³⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 7.

³⁹ Спустя сто лет воевода Опочки В. Туров, жалуясь на плохое состояние укреплений, отмечал, что в городе «**катки не покладены, ... и чеснок не побит, и надолбы не поставлены** (выделено мной. – А.Л.)». (Сб. Московского архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 427). Само перечисление приспособлений говорит о том, что некогда они имелись в арсенале оборонительных средств.

⁴⁰ Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. Cracoviae, 1874. Т. 2. P. 153; Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. 1. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. S. 261.

⁴¹ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 259.

⁴² Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1. С. 99–100.

⁴³ Софийская вторая летопись. С. 260.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 337–338.

⁴⁵ 1517, сентябрь 30. Отправление великим князем Василием Ивановичем в Крым грамот со своими казаками // Сб. РИО. Т. 95. № 28. С. 480–481.

⁴⁶ 1520, июнь-июль. Грамота Некраса Харламова // Сб. РИО. Т. 53. С. 234. № 23.

⁴⁷ «...а поймали у них на том бою человек с четыреста» (Там же. С. 258).

⁴⁸ Petrus Tomiczki – Nicolao Firley // АТ. Т. IV. № CCLXVI. P. 205.

⁴⁹ «...wielkie szkody w ziemiach Moskiewskich bez odporu poczynili» (М. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Т. 2. S. 391). В документах Литовской Метрики 1518–1519 гг. о количестве пленных (данные неполные) говорится: «А што на малых битввах и под Опочкою, и на иных пораждках, и што под замъки вкрайними пойманых, всих тых вязней сумаю семьдесят их» (Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 162).

⁵⁰ «...ne la prima pugna furono tagliati a pezi 20 mila muscovite et de li poloni non morirono 200. Ne l'ultima, tra l'una parte et l'arta assa`ne sono morti, et pur el Re ha auto vittoria ma cruentissima, per esserli manchati molti de li principali, et grandissima parte de la zoventude polona. El duca di Moscovia se ha retirato» (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. Venezia, 1889. Т. 25. P. 141–142).

⁵¹ «Come era nova di Polonia che poloni erano stati a le man con moscoviti, morti di moscoviti da 20 milia e di poloni 2000, et poi un'altra fiata e stati a le man e poloni e sta vincitori» (Ibid. P. 141).

⁵² «...quando era Guerra tra Polani e Moscoviti, et che Moscoviti e piccoli homeni su cavali piccoli et gajardi, et Polani su gran cavali» (Ibid. P. 53).

⁵³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 239.